

Новые книги¹

Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria /

Отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский.
М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 540 с. (Серия “Humanitas”)

Книга «Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria» представляет собой сборник текстов разных лет – итог исследований сотрудников Института философии РАН, посвящённых цивилизационной проблематике. Тексты, вошедшие в сборник, по мнению ответственных редакторов издания, представляют собой «фундаментальные работы, сформировавшие ключевую повестку в данной философской и гуманитарной области» (с. 5). Отметим, что весьма ценным представляется решение редакционной коллегии снабдить вошедшие в книгу авторские тексты «классиков цивилизационной теории» небольшими статьями современников с целью погружения в «научную лабораторию» авторов. Ключевым вопросом, ответ на который пытается сформулировать каждый из включённых в сборник авторов, является следующая дилемма: «Возможна ли единая человеческая цивилизация (если да, то на каких основаниях) или же это иллюзия?». Учитывая, что все отобранные тексты

---

¹ Вакулинская А.И., Ворожихина К.В., Куксюк А.М., Макарова А.Ф., Сидорин В.В. Новые книги // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 130–140.

Вакулинская Александра Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com;

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com;

Куксюк Алексей Михайлович – лаборант. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: alexeikuksyuk@gmail.com;

Макарова Анна Фёдоровна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: anna.fed.mak@gmail.com;

Сидорин Владимир Витальевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vlavitsidorin@yandex.ru

относятся к концу XX в., неизбежным для некоторых авторов стало сравнение двух культурологических (культурно-исторических) подходов: формационного и цивилизационного – с обоснованием методологической пригодности каждого из них.

Книга разбивается на три раздела: 1) «Цивилизация и культура», в который включены тексты В.С. Стёпина, В.С. Библера, В.Ж. Келле; 2) «Мировая цивилизация и культурно-исторические типы», включающий тексты Н.В. Мотрошиловой, Л.И. Новиковой, Ю.К. Плетникова, А.П. Огурцова; 3) «Россия как цивилизация», содержащий изложение идей В.В. Библихина, В.М. Межуева, В.И. Толстых, А.С. Ахиезера, А.С. Панарина, В.Л. Цымбургского, Н.И. Лапина. Для авторов, вошедших в первый раздел, характерной чертой является выстраивание своего понимания цивилизационного подхода исходя из определения понятия «культура», как правило, рассматриваемого как совокупность ценностей социальной общности, и соотношение его с концептом «цивилизация». Авторам второго раздела присуща сосредоточенность на поиске универсальных качеств цивилизации, рисках, которые может нести теория культурно-исторических типов, потребность дать методологическое обоснование, указать на актуальность цивилизационной теории исторического процесса. Авторы третьего раздела в центр своих рассуждений ставят вопрос о том месте, которое Россия занимает или могла бы занимать в мире, является ли она цивилизацией, насколько данная цивилизация самобытна, возможен ли диалог между самобытными цивилизациями, не достигшими некоего экзистенц-минимума своего развития, возможно ли это достижение вообще при сохранении своеобразия и специфики.

Осмысление цивилизационной проблематики всегда занимало представителей русской интеллигенции. Особо актуальным и востребованным оно становилось в эпохи исторических кризисов, кризисов самоидентификации, будь то XIX в. или же начало–конец XX в. В XXI в., когда настоящее вновь выводит на осмысление цивилизационной проблематики, а на официальном уровне декларируется концепт, характеризующий современную Россию как «государство-цивилизация», данная книга могла бы дать пищу для размышлений, т.к. многие идеи авторов сборника, как нам кажется, всё ещё обладают эвристическим потенциалом.

Александра Вакулинская

Бальтазар Г.У. фон. Владимир Соловьёв /
Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»)
М.: Издательство ББИ, 2023. xviii + 143 с.

В своей книге 1984 г. «Владимир Соловьёв» (“Solowjew”), переведённой на русский язык О. Хмелевской и вышедшей в этом году в издательстве ББИ, знаменитый католический богослов, кардинал, священник-иезуит Ганс Урс фон Бальтазар высоко оценивает наследие русского мыслителя. Согласно Бальтазару, философия Соловьёва (наряду с томизмом) является одной из величайших в истории мысли христианских систем. Русский философ легко интегрирует в христианство и античный гнозис, и интеллектуальные традиции французской революции, немецкого идеализма, позитивизма, эволюционизма, ницшеанства, пессимизма и др. Синтетичность (но не эклектизм) соловьёвской системы является для автора книги свидетельством универсализма, «кафоличности» оптики русского философа, достигающей гегелевских высот (с. 6).

По мнению Бальтазара, Соловьёв как никто другой из русских мыслителей почувствовал и оценил специфику западной церкви, её иерархии и внутреннего устройства, прежде всего с этико-социальной, а не чисто эстетической точки зрения. Блестяще отстаивая позицию Рима и Вселенских Соборов, Соловьёв, подчёркивает западный богослов, транслирует католический взгляд, основываясь на двух

базовых принципах, идущих от Г.В.Ф. Гегеля: «Католический дух может быть достигнут только через опосредование транснациональной, католической объективной формы»; «процесс есть прогрессивное определение неопределённого, причём определённость и универсальность, или полнота, развиваются одновременно...» (с. 8–9). Вместе с тем важнейшую роль в мировоззрении Соловьёва играет греческая «досхизматическая» патристика (особенно – Максим Исповедник), к которой он добавляет динамическую компоненту немецкого идеализма. Интуиция процесса, впоследствии получившая научное эмпирическое обоснование, по мнению Бальтазара, подтверждается и историей культуры, и «догматическим развитием церкви», описанным Соловьёвым ещё более детально, чем кардиналом Г. Ньюманом (с. 10).

Бальтазар неоднократно отмечает, что идеи русского философа опередили интеллектуальные открытия XX в.: его теоретическая философия предвосхищает феноменологию Э. Гуссерля и М. Шелера; он приближается к психоанализу З. Фрейда, принимая теорию сублимации; взгляды Соловьёва поразительно конгениальны концепции П. Тейяра де Шардена.

Разбирая основные положения и разделы (логика и метафизика, этика и экклезиология, эстетика и эсхатология) философско-теологической системы Соловьёва, католический богослов вскрывает её внутренние коллизии: столкновение между гегельянской диалектикой абсолютного знания и эсхатологическим сознанием, между прогрессом и христианским апокалипсисом; негативизация творения в духе неоплатонизма, каббалы и гностицизма и др.

Одну из важнейших заслуг Соловьёва автор «Космической литургии» видит в обращении к богословской эстетике, которая, как он подчёркивает, «до сих пор не воспринималась как самостоятельная дисциплина» (с. 7). Эстетика (которая, по мнению Бальтазара, «должна была увенчать дело всей... жизни» (с. 121) русского философа, но так и осталась недописанной) для Соловьёва была неразрывно связана (или даже практически совпадала) с эсхатологией: она была призвана «вобрать» в себя этику с метафизикой и стать учением о воплощении идеала, т.е. об апокалипсисе – откровении Царства Божьего.

Касаткина Т.А. «Мы будем – лица...»

Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского.

М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

В своей новой книге Т.А. Касаткина, известный филолог, культуролог и религиовед, один из самых глубоких современных исследователей творчества Ф.М. Достоевского, продолжает делиться опытом аналитико-синтетического чтения произведений великого романиста. Название «Мы будем – лица...» отсылает к дневниковой записи писателя 1864 г., рефреном повторяющейся на страницах книги, в которой Достоевский описывает перспективу человечества, его раскрывшуюся в полноте природу – как многоликий единый организм, каждое лицо которого является смысловым центром, не утратившим своей уникальности; как «очень динамичный перихоресис» (с. 113–114). Достоевский для автора – прежде всего практический богослов, ничего не говорящий о Боге, но с математической точностью доказывающий Его бытие через раскрытие подлинной природы человека. Главной проблемой творчества писателя, подчёркивает исследовательница, является «недопроявленность» человека и незнание своей подлинной меры. Касаткина подчёркивает, что Достоевский – не моралист, он не говорит о должном, но указывает на сущее, которое сокрыто; антропологический идеал писателя принципиально достижим, поскольку был воплощён, – это Христос.

Касаткина убедительно показывает, что богословие и философия Достоевского функционируют совершенно иначе, чем привык читатель: они оперируют не понятиями, а особыми двусоставными образами, проявляющими «священное прямо и непосредственно в структурах *повседневного*», открывающими «наглядно... присутствие вечного во временном» (с. 120); их цель – «не систематизировать и передать интеллектуальное знание» (с. 136), а привести к внутренней трансформации человека. Таким образом, подчёркивает автор, художественные произведения Достоевского посткаторжного периода являются текстами «инициатического типа, заставляющие читателя переживать откровение и преображение в процессе чтения» (с. 136). Достоевский, согласно Касаткиной, открывает читателю доступ к иной, поверх обычной, оптике: взгляду на человека как на образ Божий, видению в текущих событиях длящейся евангельской истории. Ключевая идея книги ёмко сформулирована самим автором: «...это книга о том, как Достоевский видит нашу истинную природу, о том, что мы – одно, и одновременно каждый из нас незаменим и уникален, о том, что незаменимость и уникальность каждого существует вообще и обнаруживается во всём своём величии только тогда, когда мы – одно, и том, как обрести такое видение и что происходит с нами и миром, когда мы начинаем видеть себя в своих истинных размере и конфигурациях» (с. 13). В книге раскрывается понимание писателем греха (как промаха), Церкви (не как религиозного учреждения, а как телесного соединения «всех людей в созидании Тела Христова» (с. 226)), страдания как результата попытки примириться со слишком тесной «скорлупой» переходного состояния – человеческим «я», выстраивающим границы, и др. Как и другие работы Касаткиной, эта книга о Достоевском содержит интересные и глубокие наблюдения, нетривиальные толкования и гипотезы, философские интуиции.

Ксения Ворожжихина

Ильенков Э.В. Логика Маркса: собр. соч. Т. 7.

М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 544 с.

Седьмой том собрания сочинения Эвальда Васильевича Ильенкова продолжает намеченный в прошлом томе цикл архивных, черновых и изданных посмертно материалов. В том вошли одни из самых первых работ Ильенкова, посвящённые теории познания, в частности его кандидатская диссертация «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса “К критике политической экономии”», защищённая в сентябре 1953 г. Стоит отметить, что помимо основного текста диссертации в том вошли черновые записи (с. 213–316), неофициальная и официальная версии автореферата (с. 317–332 и с. 333–350), набросок плана диссертации (с. 350–351) – знакомство с этими материалами позволит современному читателю лучше погрузиться в контекст написания Ильенковым своей первой знаменитой работы. Как отмечает А.Д. Майданский: «Скорее всего “хитрый мудрец” Ойзерман растолковал Ильенкову, что его неортодоксально-смелые ходы мысли и обращение к популярным на Западе рукописям молодого Маркса... крупно осложняют защиту диссертации (с. 526). И всё же, несмотря на все трудности, диссертация Эвальда Васильевича «взорвала затхлую атмосферу философского факультета» (Там же).

Помимо обширных материалов, связанных с диссертацией Ильенкова, том включает и ряд его ранних (в том числе архивных) работ: это и запись двух аспирантских докладов с ответами на вопросы слушателей «О связи философии и политической экономии Маркса» (с. 352–392), и полемический текст «Что такое “философское обоснование социализма”» (с. 393–396), направленный против тезиса

Т.И. Ойзермана об утверждении Марксом необходимости становления пролетарской революции, диктатуры пролетариата и коммунизма; и ряд работ, посвящённых вопросам предмета, законов и категорий теоретического познания и практического действия (с. 406–449); и первые размышления Ильенкова на тему предмета философии из «Зелёной тетради» (с. 450–490) и концептуально близкий к ней текст «О всеобщности логических форм» (с. 491–495), посвящённый вопросу априорности логических принципов познания. Любопытным представляется и текст по сути полноценной научной работы «К вопросу о предмете философии как науки» (с. 496–517), выданный за аспирантский реферат, и ранняя версия нашумевших «Тезисов» Ильенкова и Коровикова «Относительно вопроса о предмете философии как науки» (с. 518–512).

Нельзя не отметить трепетное отношение авторов серии к наследию Эвальда Васильевича – все архивные работы философа публикуются с минимальными стилистическими и грамматическими корректировками, благодаря чему перед читателем оказывается максимально аутентичный текст, к тому же сопровождаемый подробной историко-философской справкой и комментариями.

Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Том 5: Предмет знания /

Под общ. ред. Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых; предисл. к тому Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2023. 824 с.

Вышедший в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета пятый том Полного собрания сочинений Семёна Людвиговича Франка целиком посвящён одному из ключевых трактатов философа – «Предмет знания» (1915). Перед читателем предстаёт образцовый философский трактат, затрагивающий проблематику соотношения бытия и знания, идеального и реального, общего и индивидуального, абсолютного и отвлечённого. Всё это рассматривается Франком в контексте «основного гносеологического вопроса о природе и условиях возможности знания» (с. 111). Пожалуй, один из главных тезисов Франка заключается в том, что подлинное, непосредственное «обладание предметом, предшествующее всякому обращению сознания на предмет, возможно лишь при условии, когда субъект и объект знания укоренены не, как это принято считать, в каком-либо сознании или знании, а в *абсолютном бытии*» (Там же). Так гносеологический вопрос об условиях знания выводит на онтологическую проблематику.

Как и в предыдущих томах, издание открывается подробным предисловием (с. 5–108) авторов-составителей Г.Е. Аляева, К.М. Антонова и Т.Н. Резвых, посвящённым целому ряду важных историко-философских вопросов франковедения. Авторы последовательно раскрывают различные аспекты замысла Франка и их последующую реализацию в трактате, детально освещают процесс работы философа над книгой, разбирают отзывы современников, анализируют планы переизданий, репринтов и переводов с момента выхода трактата в свет и до наших дней. Кроме того, том по традиции снабжён обширными справочными материалами, среди которых есть подробные комментарии, именной и архивный указатели, а также указатели иностранных выражений и библейских заимствований.

Таким образом, вышедший том является отличным подспорьем как для профессиональных исследователей русской философии вообще и творчества С.Л. Франка в частности, так и для широкого круга читателей, желающих познакомиться с одним из центральных трудов философа. В том непосредственно включены как сам текст «Предмета знания» (с. 119–538), так и ряд приложений: «Система логики» (с. 539–542) и «Предварительные заметки к “Предмету знания”» (с. 543–562). Как отмечают редакторы тома, предварительные записи «не только помогают нам рекон-

струировать эволюцию авторских идей и даже во многом хронологию написания текста книги – в них можно найти заметки, которые явно могли бы обогатить её содержание» (с. 27). Тем самым читатель может ознакомиться с черновыми заметками, планами и набросками, раскрывающими и дополняющими проблематику «Предмета знания».

Можно с уверенностью отметить, что издание продолжает сохранять стандарты, заложенные ещё в первых томах Полного собрания сочинений. Предполагается, что для реализации поставленной авторами задачи систематического критического издания всех опубликованных произведений Семёна Людвиговича, а также его архивных материалов и переписки понадобится порядка двадцати пяти томов. Это поистине колоссальная работа, которая непременно поспособствует дальнейшему развитию отечественной философии.

Алексей Куксюк

Гусейнов А.А. Мой Зиновьев: Статьи, доклады, интервью.

М.: Издательский дом ЯСК, 2023. 272 с.

Сборник доктора философских наук, академика РАН А.А. Гусейнова «Мой Зиновьев» включает в себя материалы разных лет: статьи, тексты докладов, а также интервью, посвящённые жизни, творчеству, научной и критической мысли Александра Александровича Зиновьева (1922–2006). Основной идеей, фундирующей издание, по словам автора, является «исключительность научного и человеческого подвига» Зиновьева; название же продиктовано желанием представить наиболее адекватный и полный взгляд на фигуру Зиновьева. Корпус текстов, представленный в издании, посвящён в основном социологическим и этическим вопросам.

Книга тематически разделена на четыре части. Первая главным образом затрагивает подробности жизни Зиновьева, его путь и становление в качестве философа. Уже в открывающей *Энциклопедической справке* очерчены биографические перипетии и становление взглядов мыслителя, впоследствии сформировавшие его сложную личность и систему ценностей, не совпадающую в магистральном направлении с основными идеологическими установками Советского государства. Весь Зиновьев, говорит автор сборника, с его взглядами и бунтарской натурой вырос из противоречия между коммунистическим идеалом и его реализацией в советском опыте (с. 81–82). С этим связано, с одной стороны, намеренно издевательское бичевание Зиновьевым сложившегося строя, с другой – миссия самому стать идеальным коммунистом и прежде всего – в своём *индивидуальном* опыте.

Во второй части книги особое внимание уделяется социологическому и этическому аспектам мысли Зиновьева. Авторское название, которое Зиновьев дал своей этической системе, – учение о житии, «зиновьюга», или «лаптизм» (по имени главного героя повести «Иди на Голгофу» Ивана Лаптева). Особо пристально именно это сочинение Зиновьева рассматривается в нескольких текстах книги А.А. Гусейнова. Каждый индивид, по мысли Зиновьева, должен стать философом и сотворить этическое учение для самого себя, а «задача выработки программы достойного поведения... является привилегией и обязанностью каждого человека». Отсюда и известное высказывание Зиновьева – «Я есть суверенное государство» (с. 116).

Третий раздел посвящён проблемам социологии и логики – самой трудной и строгой части философии, по определению Гусейнова (с. 169); Зиновьев «применяет средства логики к языку науки, разрабатывает собственную логическую теорию» (Там же). Именно на основании выверенного логического аппарата Зиновьев,

анализируя привычные советскому уму парадигмы, приходит к выводам о несостоятельности советской политической и социальной систем. Вместе с тем он денонсирует и западное устройство общества, где, хотя и со своей спецификой, точно так же действуют «законы экзистенциального эгоизма» (с. 205).

В четвёртой, завершающей секции сборника сосредоточены материалы, связанные с историко-социальными взглядами Зиновьева, в особенности его рассуждениях о постсоветской России, о её настоящем и будущем, а также вопросам актуальности творчества Зиновьева в современных реалиях.

Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы /

Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент.

А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной.

М.: Политическая энциклопедия, 2023. 296 с.

Публикация эпистолярного наследия Николая Бердяева в период его пребывания в эмиграции, осуществлённая под грифом Института философии РАН в рамках серии «Мысль и слово», приурочена к грядущему 150-летию выдающегося русского философа. Издание позволяет уточнить представления о Бердяеве как личности и мыслителе, а также явственнее рассмотреть детали культурной, интеллектуальной и социальной жизни эпохи, чрезвычайно сложной для анализа («погрузиться в архив эпохи России и Русского зарубежья»).

Сборник разделён тематически на три части. В первой публикуется переписка Бердяева с Семёном Франком и Татьяной Франк за 1923–1947 гг. В предварительной статье А.А. Гапоненков, подготовивший письма к печати и снабдивший их подробным комментарием, приводит важнейшие исторические и биографические факты из жизни Бердяева и Франка. Принимая во внимание непростой для расшифровки почерк Бердяева и особенности работы с архивными документами, в частности за рубежом, следует отметить высокую ценность публикуемых материалов. Переписка Бердяева и Франка затрагивает широкий спектр тем: собственно философская проблематика, положение христианства в России, в Европе, взаимная критика, обсуждения людей из общего круга знакомств (Л.П. Карсавин, П.Б. Струве, Лев Шестов, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, о. Сергей Булгаков, Г.Д. Гурвич, Ж. Маритен, Г. Марсель, Г. Кайзерлинг, В.И. Ясинский, Г.Г. Кульман, Ф.Т. Пьянов, П. Андерсон, Э. Мак-Нотен и др.), организаций и обществ (УМСА, “Kantgesellschaft”), издательств («Обелиск», “УМСА-Press”), журналов («Путь», “Kantstudien”, “Europäische Revue”, “Hochland”, “Monde Slave”, “Revue de Philosophie” и т.д.), докладов, кружков РСХД, учебных заведений.

«Николай Лосский – Николаю Бердяеву», вторая часть издания не случайно носит именно такой заголовок. Писем Бердяева Лосскому, по словам Е.В. Сердюковой, автора вступительной статьи к разделу и ответственной за подготовку эпистолярия к изданию, пока обнаружено не было. Тем актуальнее сопровождающий письма Лосского текст и комментарий Сердюковой, в котором нити обстоятельств жизни, дружбы и общения двух философов тщательно прослеживаются с помощью прочного базиса из уже имеющихся публикаций, статей, писем, воспоминаний и редких архивных материалов. Охватываемый период эпистолярия – с 1925 по 1947 гг. В качестве приложения к разделу – статья Лосского из его парижского архива – «Н. Бердяев. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства» (1928).

В третьей части книги собраны письма за 1930–1931 гг. Бердяеву от Ю.М. Панебратцева – фигуры сравнительно малоизученной. Вступительное слово одного из авторов публикации Т.Г. Щедриной даёт обзор биографии, сделанный на основе исследований Я.В. Леонтьева. Из него очевидно, насколько сильно краткий curriculum

vitaе Панебратцева (1900–1938) пронизан бунтарством и трагизмом. Фундаментальное значение публикации писем Панебратцева к Бердяеву – в возможности заглянуть в сокрытый от официальной советской политической повестки философский мир мыслителя, идейно и духовно столь близкого к Бердяеву. Из текстов публикуемых писем Панебратцева видно, что в Бердяеве молодой мыслитель ищет наставника и учителя. Отдельного внимания заслуживают подробное описание Панебратцевым своих философско-религиозных исканий на полном очарований и разочарований пути через революцию к мистическому христианскому опыту, а также критика Флоренского, рассуждения об А. Шмидт, Экхарте, о феноменологии и «филокалии».

Сборник дополнен ценным комментарием «Организации» и содержательным именованным комментарием.

Сергей Николаевич Трубецкой /

Под ред. Ю.Г. Белькинда, Б.В. Межуева, Т.Г. Щедриной.
М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2023. 391 с.

Коллективная монография, посвящённая философу, общественному деятелю, ректору Московского университета Сергею Николаевичу Трубецкому, изданная под грифом Института философии РАН и Некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» и продолжающая серию «Философия России первой половины XX века», не только рассматривает вопросы философской мысли князя Трубецкого, но и освещает различные аспекты его деятельности, включая работу в области истории философии и религиоведения, общественно-политическую активность.

Материалы издания сгруппированы в три раздела; их предваряет введение за авторством Б.В. Межуева – «Философская стратегия князя Сергея Трубецкого». Проследив путь Трубецкого от увлечения Парацельсом и мистикой Бёме и Баадера, учениям Вл. Соловьёва, софиологией, к самобытным гносеологическим исканиям (соборность сознания с необходимостью трансцензуса – «выхода из себя»), автор статьи уделяет особое внимание «конкретному идеализму» Трубецкого.

В первом крупном разделе книги, затрагивающем проблемы метафизики и гносеологии, подробно рассматривается эволюция философских взглядов Трубецкого. В масштабной статье П.П. Гайдено «Конкретный идеализм С.Н. Трубецкого», состоящей из восьми подразделов, помимо краткого биографического обзора и сравнительного анализа взглядов Трубецкого и Шестова, подробно рассматривается ряд его ключевых работ по метафизике, гносеологии и этике. Текст Т.Г. Щедриной и Б.И. Пружинина «“Конкретный идеализм” С.Н. Трубецкого и феноменологический поворот в современной философии науки» демонстрирует связь некоторых позиций Трубецкого и феноменологических концепций Гуссерля и Шпета. А.П. Козырев в статье «“Соборное сознание” Сергея Трубецкого и идея исторической памяти» ставит вопрос о легитимности апелляции к понятию коллективной памяти в связи с идеей Трубецкого о соборности сознания. О.Т. Ермишин в своём материале, посвящённом месту героя книги в контексте русской философской мысли, рассуждает о сходствах и отличиях его идей с современниками, о его влиянии на них (с особым акцентом на воззрения и работы Лосского, Флоренского и Лопатина). И.И. Евлампиев рассматривает Трубецкого в контексте европейской философии XX в., особо подчёркивая связь его идей с некоторыми взглядами Гуссерля, Бергсона, Фрейда и Юнга.

Второй раздел – история философии и религиоведение – представляет несколько текстов о Трубецком о его занятиях историей философии и религиоведением. Статьи А.П. Козырева и К.Б. Ермишиной обстоятельно анализируют воззрения Трубецкого и Хомякова, а также Сергея и его сына Николая. К.М. Антонов, очертив

историю взаимоотношений Трубецкого и фон Гарнака, рассматривает их дискуссию в контексте пары «немецкая теология – русская религиозная философия».

Особый интерес представляет собой третий раздел издания, где речь идёт о Трубецком как общественном деятеле. В.В. Ванчугов в статье «“Университетский вопрос” в жизни кн. С.Н. Трубецкого» подробно описывает социально-политическую ситуацию в России конца XIX в. и говорит о роли Трубецкого в получении Московским университетом автономии, а также о борьбе за независимость университета от политико-идеологической ангажированности. В.В. Сидорин пишет о «конкретном идеализме» Трубецкого как социально-политической программе. В статье С.В. Хатунцева рассмотрен важный эпизод жизни Трубецкого – его отречение от идей славянофильства и становление как либерала, а также оппонирование Константину Леонтьеву. Текст М.В. Медоварова описывает два случая полемики Трубецкого с консервативным «Русским обозрением» по философским и общественно-политическим вопросам. Ф.А. Гайда в «“Не медлите, Государь!”: Князь Сергей Трубецкой как гражданский пророк» делает обзор важнейших инициатив Трубецкого, оказавших серьёзное влияние на жизнь общества. В финальном тексте книги о Георгии Белькинд делится рассуждениями об «Учении о Логосе», о Сергее и Евгении Трубецких с теологических позиций.

В заключительном сегменте книги – хроника жизни и деятельности князя Трубецкого. Впервые представлена подробная библиография его книжных, журнальных, газетных публикаций, исследований о нём. В издание включены уникальные иллюстрации – фотографии, документы и письма.

Анна Макарова

Вахитов Р.Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф.

СПб.: Владимир Даль, 2023. 239 с.

В истории отечественной мысли, наверное, нет другого такого направления, которое постигла бы столь странная и противоречивая судьба, как евразийство. С одной стороны, несмотря на наличие достаточно масштабного пласта научно-исследовательской литературы на эту тему, его подлинное академическое, научное освоение, как кажется, только в начале своего пути. С другой стороны, именно это направление стало почвой для многочисленных претенциозных спекуляций в российской публицистике, породивших феномен (нео)евразийства. Сам собой напрашивается вывод о прямой связи этих фактов: отсутствие масштабной и комплексной научно-исследовательской программы во многом и не позволяет последовательно и системно проводить именно «академическое», корректное позиционирование евразийства в интеллектуальном пространстве и общественном сознании современного российского общества. В этом контексте невозможно не приветствовать исследование, бросающее вызов сложившейся ситуации.

Обобщая историографию вопроса и рассматривая основные точки зрения на генезис, «точку отсчёта» евразийства, а также ключевые модели его интерпретации, Р.Р. Вахитов формулирует то, что сам называет «парадоксом исчезновения евразийства»: несмотря на рост публикаций, соответствующее направление исследований в последние десятилетия зашло в своеобразный тупик, связанный с отсутствием целостной перспективы, растворением предмета исследований в многочисленных частностях. Обоснование необходимости, а главное, возможности, противостоять подобной тенденции во многом и определяет цели и задачи представляемой монографии.

С опорой на диалектику единого и многого Прокла Диадоха, философию А.Ф. Лосева автор представляет евразийство как целостную концепцию, раскрывая –

через ряд базовых бинарных оппозиций – его категориальную структуру и диалектическое взаимодействие этих базовых категорий и демонстрируя, как эта концептуальная целостность структурирует те или иные аспекты евразийского учения – историософию, учение о хозяйстве, философию культуры и др.

Отмечая, что евразийство было не только научной и философской теорией, но и претендовало на роль идеологии, на изменение социального порядка, Р.Р. Вахитов фиксирует, что в силу этого оно включало многосторонне разработанный уровень символической интерпретации реальности: заключительная часть исследования посвящена – с опорой опять же на А.Ф. Лосева – ключевым символам евразийства, их функциональному значению и связи этого символического порядка с выявленной ранее категориальной структурой.

Несмотря на небольшой объём, монография представляет собой целостный авторский взгляд, обобщение результатов многолетних исследований, а фиксируемая в работе тенденция к оформлению в соответствующем сегменте академического сообщества новой, масштабной исследовательской программы классического евразийства оставляет надежду, что со временем последнее будет-таки выведено из тупика псевдонаучных спекуляций.

Цемент и тело русского социализма. Краткая антология /

Сост. и предисл. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2023. 688 с.

(Исследования по истории русской мысли. Т. 23)

В предисловии составителем антологии фиксируются две фундаментальные проблемы, с которыми сталкивается история русского марксизма в современной историографии и каждая из которых требует адекватного решения. Во-первых, будучи некогда одним из самых влиятельных и известных в мировом масштабе течений отечественной мысли, уже много десятилетий русский марксизм находится на периферии исследовательского внимания. Во-вторых, сохраняют доминирование созданные советским марксизмом модели самоописания и самоинтерпретации своего генезиса. В этом контексте антология представляет собой важный шаг, возвращающий отечественному читателю ряд работ, подрывающих советские схемы и мифы в отношении становления и развития русского марксизма.

Открывающее антологию «Введение» П.Н. Сакулина к своей работе «Русская литература и социализм» (1922) по своей цели и охвату может служить замечательным введением – одним из последних в своём роде – в тему полемики напряжённого и гетерогенного пространства русского марксизма конца XIX – первой четверти XX в. Рисуемая им картина во многих отношениях противостоит устоявшимся историографическим стереотипам: например, генезис русского марксизма Сакулин вписывает в контекст христианского социализма (Ф.Р. Ламэнэ). А само пёстрое разнообразие – своего рода теоретическая диверсификация – русского марксизма выступает у него преимуществом, во многом и обусловившим успехи и заслуги марксистской интеллектуальной программы, а не борьбой единственно верно понятого варианта с многочисленными «заблуждениями».

Книга Михаила Оленова «Так называемый “кризис марксизма”» (1906) посвящена критике В. Зомбарта, Э. Бернштейна, М. Туган-Барановского, Э. Давида, С. Булгакова, А. Вагнера, Р. Штамллера, Г. Шмоллера и возвращает современному читателю напряжённые политэкономические дискуссии, которые некогда были одной из конституирующих основ марксистского интеллектуального пространства, но в наше время часто упускаются из виду при рассмотрении русского марксизма как интеллектуального феномена. Возможно, в этом вновь проявляется инерция советского марксизма второй половины XX в., стремившегося выдвинуть на первый план

общие философско-теоретические возможности марксизма, обосновать и раскрыть его гуманистический пафос, но задвинувшего – по понятным причинам – политэкономическую проблематику на глухие задворки. Это пренебрежение (в случае советского марксизма вынужденное) было, как кажется, унаследовано и современной историографией отечественной философии.

П. Юшкевич в работе «Мировоззрение и мировоззрения» (1912) представляет генеалогическую и типологическую интерпретацию марксизма, также радикально отличающуюся от той версии, которая вскоре станет официальной. С одной стороны, как и Сакулин, он связывает генезис марксизма с распространением и кризисом христианского социализма, находя последний даже в Древней Руси. С другой стороны, трактуя философию как конструкцию интеллектуально-эмоционального характера, интерпретирует марксизм как своего рода философию жизни, типологически родственную антиинтеллектуализму Бергсона, идеям У. Джемса, Ф. Ницше, религиозным исканиям Л. Толстого, которым и посвящены отдельные очерки, вошедшие в работу.

Каждая из включённых в антологию работ демонстрирует важность (пере)изданий подобного рода, погружающих в изначальный контекст, затем в лучшем случае забытый, в худшем – невольно или сознательно искажённый последующей рецепцией.

Владимир Сидорин